

PUBLIUS SULPICIUS' LEGISLATION AND ITS SOCIAL AND POLITICAL CONTEXT

Anton V. Korolenkov

The author challenges the accepted view that the 88 BC plebeian tribune P. Sulpicius' bills brought him to conflict with the Senate and were backed up by the equites whose interests he defended. In the author's opinion, most senators were relatively well disposed to Sulpicius' drafts, while the equites were not his main supporters: they supported him inasmuch as they were connected with the *patres* favourably disposed to the reformer. Following E. Badian, the author considers the data on the so-called Antisenatus to be unreliable and those on his law limiting senators' debts to 2000 denarii to be out of context and ambiguous (these data being the most usual proofs of the mutual hostility of the Senate and Sulpicius). Nor could the bill on accepting the *cives novi* to all the 35 tribes have caused the senators' strong disapproval, as it was just a continuation of the laws of 90–89 BC promoting rights of the Italians. The senators who opposed the tribune's bills most of all were the consuls Sulla and Pompeius Rufus. Their opposition caused the interference of the army, thus launching the civil war.

Keywords: 1st century BC civil war in Rome, senators, equites, Publius Sulpicius legislation, Sulla, Marius.

Akademizdatcenter «Nauka»
Russian Academy of Sciences

sallust@list.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 3, с. 45–69

О. В. Любимова

СУД НАД ВЕСТАЛКАМИ в 73 году до н.э.: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В статье рассматривается политическая составляющая суда над весталками Фабией и Лицинией, обвиненными в 73 г. до н.э. в нарушении обета целомудрия, и их предполагаемыми любовниками Катилиной и Крассом. Автор выдвигает гипотезу, что данный процесс был инициирован Помпеем для того, чтобы помешать Крассу, который в 73 г. занимал претуру, провести закон о восстановлении прав плебейских трибунов. Обвинение Фабии и Катилины было предъявлено для того, чтобы увеличить опасность, которой подвергался Красс.

Ключевые слова: Понтифики, весталки, инцест, Красс, Катилина, Помпей, Клодий, Плотий, Катул, Катон, права трибунов.

Любимова Ольга Викторовна – соискатель на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета.

* Данная статья является расширенной версией доклада на III симпозиуме «Историк и текст» (Москва, ИВИ РАН, 25–26 июня 2014 г.). Я благодарна А.Л. Смышляеву, А.В. Зайкову и С.Г. Карпюку за ценные замечания.

Далее все даты в статье – до нашей эры.

В 73 г. в Риме состоялся суд над весталками, обвиненными в нарушении обе-та целомудрия, и их предполагаемыми соблазнительями. Сведения источников об этих событиях крайне фрагментарны, о них не сохранилось ни одного связного рассказа. Дата процесса известна благодаря Цицерону (*Cat.* III. 9), согласно которому в 63 г. Лентул Сура утверждал, что в этом году исполняется 10 лет после оправдания весталок и двадцать – после пожара на Капитолии. Эту датировку подтверждает Орозий (*VI.* 3. 1). Он сообщает, что Катилина при помощи Катугла избежал осуждения за соблазнение весталки в первый год III Митридатовой войны¹. Известно, что предполагаемую любовницу Катилины звали Фабия и она приходилась единоутробной сестрой Теренции, жене Цицерона (*Ascon.* 91 C). Второй парой обвиняемых, по-видимому, были весталка Лициния, родственница Л. Мурены, консула 62 г. (*Cic. Mur.* 73), и М. Лициний Красс, которому удалось доказать, что его интерес к девушке был вызван не любовными, а денежными мотивами (*Plut. Crass.* 1. 4–5; *Inim. Util.* 6). Правда, в источниках нет прямых сведений о том, в каком году состоялся процесс этой пары, однако известно, что в 73 г. была оправдана не одна весталка (*Cic. Cat.* III. 9: *post virginum absolutionem*), а сообщений о других обвиняемых в данный период нет, поэтому отнесение данного дела к 73 г. представляется наиболее вероятным. Лицинию обвинил в нарушении целомудрия некий Плотий (*Plut. Crass.* 1. 4); обвинителем Фабии, возможно, был Клодий, так как, согласно Плутарху (*Cat. Min.* 19. 5), она подвергалась опасности вследствие его выступлений. Однако не известно, подразумевается ли здесь формальное обвинение со стороны Клодия или просто агитация на сходках, и как следует датировать эту его деятельность. Защитником в этом процессе выступал М. Пизон, впоследствии консул 61 г. (*Cic. Brut.* 236), однако кто именно был его подзащитным – Цицерон не уточняет².

Оба мужчины, обвиненных в соблазнении весталок, входили в нобилитет и сыграли важную роль в истории последующих десятилетий, и сами весталки если и не принадлежали к высшей знати³, то, по крайней мере, состояли в близком родстве с ведущими политиками своего времени. Правоммерно предположить, что этот суд имел определенный политический смысл, однако источники ничего об этом не сообщают, а их фрагментарность существенно затрудняет исследование политической составляющей данного процесса.

Современные историки, как правило, ограничиваются тем, что осторожно предлагают ту или иную гипотезу, не останавливаясь на этом вопросе подробно. Так, по мнению Ф. Мюнцера и Т. Каду, данный суд представлял собой отголосок партийной борьбы, т.е. атаку радикальных демократов, Плотия и Клодия, на сторонников сулланской конституции⁴. Р. Уилдфанг предлагает противоположное объяснение: по ее мнению, в данном процессе обвиняемые (Катилина и Красс) представляли популяров, а обвинители (Клодий и Плотий) – оптиматов⁵. Р. Бауман видит в этом процессе (как и в предшествующем деле весталок 114–113 годов, которое он рассматривает более детально) проявление «популярского оттенка»

¹ Об этой датировке подробнее см. Keaveney 1992, 193.

² Полный перечень источников см. Cadoux 2005, 162–163.

³ Род Лициниев Мурен был преторским, и консул 62 г. первым в роду занял эту должность (*Cic. Mur.* 15); степень родства Фабии со патрицианскими Фабиями Максимами неизвестна.

⁴ Münzer 1920, 96–97. Anm. 1; Cadoux 2005, 178–179.

⁵ Wildfang 2006, 96–97.

(popular coloration) или «популистской идеологии» (populist ideology), характерных для коллегии весталок в этот период⁶. Э. Грюэн, А. Уорд и М. Равицца высказывают мнение, что Плотий, предъявивший обвинение Лицинии, действовал в интересах Помпея, противника Красса⁷; выступление Клодия Э. Грюэн расценивает как циничную попытку завоевать славу, нападая на сулланца Катилину⁸. Б. Тваймен расценивает обвинение, предъявленное Катилине, как один из раундов борьбы между группировками Клавдиев–Метеллов (к которым примыкал Помпей) и Катуга–Гортензия, происходившей в 70-х годах⁹. С другой стороны, М. Равицца полагает, что Катилина тоже был обвинен Плотием, а не Клодием, как соучастник политических проектов и любовных похаживаний Красса¹⁰. Представляется целесообразным еще раз рассмотреть аргументы в пользу каждой из точек зрения, однако прежде чем исследовать политический смысл процесса, необходимо уточнить ряд неясных обстоятельств этого дела, которые либо не привлекали ранее внимания исследователей, либо вызвали у них разногласия¹¹.

Прежде всего, это вопрос о *дате претуры Красса*: она не засвидетельствована в источниках прямо, и никаких сведений о его деятельности в этой должности у нас нет. Красс занимал должность консула в 70 г., причем был избран с соблюдением закона Суллы о занятии должностей (App. BC. I. 121). Это означает, что он был претором не позднее 73 г., так как указанный закон предписывал соблюдение двухлетнего интервала между претурой и консульством¹². С другой стороны, нельзя исключать, что он занимал эту должность до 73 г. О дате рождения Красса имеется лишь одно прямое свидетельство Плутарха: в первой половине 54 г., в момент встречи с галатским царем Дейотаром, Красс преодолел 60-летний рубеж (Plut. Crass. 17. 1: ἐξήκοντα μὲν ἔτη παραλλάττων) – это означает, что он, возможно, родился в 115 году (вероятно, не в первые его месяцы) или в первой половине 114 г.¹³ В этом случае он уже в 75 г. имел право добиваться претуры на 74 год, так как законным возрастом для кандидата в преторы было 39 лет¹⁴. Это означает, что либо Красс занимал претуру в 73 г. с задержкой на год, либо его претуру в 74 г. и консульство в 70 г. разделяет промежуток в три года вместо обязательных двух; в любом случае налицо годичная задержка в карьере. Само по себе это явление далеко не редкость для римских нобилей конца Республики¹⁵, однако в данном случае все же следует попытаться найти ему объяснение и оценить вероятность каждого из двух вариантов.

Если Красс занимал должность претора в 74 г., то он имел право стать консулом уже в 71 г. Консулы 72 г., Л. Геллий и Гн. Лентул Клодиан, в течение большей

⁶ Bauman 1992, 61; ср. 58.

⁷ Gruen 1974, 41; Ward 1977, 75; Ravizza 2006, 8–9.

⁸ Gruen 1974, 42. В качестве параллели рассматривается обвинение, предъявленное Аппием, братом Клодия, А. Теренцию Варрону в 74 г. (Ps.-Ascon. 109 Or.).

⁹ Twyman 1972, 857, 871–872.

¹⁰ Ravizza 2006, 9.

¹¹ Вопрос о том, слушалось ли данное дело судом понтификов или судом присяжных, я рассмотрела в отдельной статье (Любимова 2014, 211–234), где попыталась доказать, что первый вариант более вероятен; далее в статье я буду исходить из этой предпосылки.

¹² Astin 1957, 590–602; Keaveney 2005, 143–144. Убедительное опровержение мнения о том, что Красс был претором в 72 или 71 году, см. Marshall 1973, 109–113.

¹³ Sumner 1974, 123–124; Ward 1977, 46.

¹⁴ Sumner 1974, 6–7.

¹⁵ Sumner 1974, 8. Not. 2.

части года вели военные действия против Спартака. После ряда поражений сенат приказал им воздержаться от военных действий (*Plut. Crass.* 9–10; *App. BC.* I. 117–118); вероятно, это случилось не ранее сентября 72 г.¹⁶, и к этому моменту выборы магистратов на следующий год еще не были проведены из-за отсутствия консулов в Риме. Сенат принял решение об учреждении специального командования для борьбы со Спартаком, однако в Риме не нашлось желающих принять участие в выборах – за исключением одного лишь Красса (*App. BC.* I. 118); причем, как указывает Б. Маршалл, Красс, по-видимому, активно добивался создания этого командования¹⁷. Если осенью 72 г. Красс уже имел право участвовать в предстоящих вскоре консульских выборах, то трудно понять, почему он предпочел получить чрезвычайный империй против Спартака: ведь если иные претенденты на командование в войне с рабами отсутствовали, то оно, скорее всего, досталось бы именно консулам следующего года¹⁸. Проще всего объяснить поведение Красса тем, что он был претором в 73 г. и, следовательно, не мог еще стать консулом 71 года; поэтому учреждение специального командования против Спартака было для него единственным шансом возглавить эту войну. Если так, то претуру Красс должен был занимать с годичной задержкой. Возможно, она объясняется неблагоприятными обстоятельствами, в которых происходили выборы магистратов в 75 г.: Саллюстий сообщает о голодных бунтах в Риме и нападении мятежной толпы на консулов, сопровождавших Кв. Метелла, кандидата в преторы (*Sall. Hist.* II. 45). Возможно, в таких условиях Красс считал за лучшее отложить соискание на год, тем более что, как указывалось выше, не все нобили стремились непременно занимать магистратуры *suo anno*.

В целом, хотя решающих аргументов в пользу той или иной датировки претуры Красса привести невозможно, 73 год все же представляется более вероятным, и большинство исследователей, пытавшихся уточнить датировку «не позднее 73 г.»¹⁹, поддерживает наиболее поздний вариант²⁰. Насколько мне известно, за 74 год выступает только Р. Эванс: он полагает, что после претуры в 74 г. Красс управлял в 73–72 годах какой-то провинцией и осенью 72 г., при назначении на командование для борьбы со Спартаком, его империй был просто продлен²¹. Однако как раз в 73 г. состоялся суд по делу весталок, и Красс в это время находился в Риме, а не в провинции; таким образом, с аргументацией Р. Эванса нельзя согласиться.

С другой стороны, возникает вопрос: мог ли действующий претор вообще быть привлечен к суду понтификов? Р. Льюис предположил, что Красс добровольно отказался от иммунитета, который предоставляла ему занимаемая должность, как поступил в 113 г. квестор Антоний Оратор, также обвиненный в связи с весталкой:

¹⁶ Rathke 1904, 89; Marshall 1973, 115; Любимова 2013b, 74.

¹⁷ Анализ источников и реконструкцию этих событий с предшествующей библиографией см. Marshall 1973, 109–121 (о стремлении Красса получить командование см. 116–119).

¹⁸ Геллий и Лентул не были официально отстранены от должности или лишены полномочий; сенат лишь приказал им ничего не предпринимать (*Plut. Crass.* 10. 1: ἡσυχίαν ἔχειν; Rubinsohn 1970, 624–627). В случае, если бы им не нашлось замены, они вполне могли бы продолжить военные действия до прибытия преемников.

¹⁹ Ею ограничиваются: Gelzer 1926, 302; Garzetti 1996, 83; Shatzman 1968, 347–350.

²⁰ Broughton 1951, 121. Not. 2; 1986, 120; Marshall 1973, 112–115; 1976, 26–29; Ward 1977, 68, 82. Б. Маршалл приводит высказывание Сициния (*Plut. Crass.* 7) как свидетельство того, что в 76 г. Красс занимал эдилитет, что исключает претуру в 74 г. А. Уорд, соглашаясь с ним в датировке претуры Красса, ставит эдилитет Красса в 76 г. под сомнение.

²¹ Evans 2014, 5–6.

тот отсутствовал по делам государства, и Меммиев закон запрещал суду принимать обвинение против него, но он не пожелал воспользоваться этой льготой (Val. Max. III. 7. 9)²². Однако Р. Каду высказывает справедливые сомнения в том, что претора давала иммунитет человеку, обвиненному в связи с весталкой: считалось, что данное преступление оскверняло священные обряды Весты, нарушало мир с богами и могло навлечь на государство гибельные последствия, поэтому пресечь инцест и наказать виновных в нем требовалось как можно скорее²³, а тот факт, что осквернитель являлся одновременно магистратом римского народа, скорее должен был рассматриваться какотягчающее обстоятельство. Эпизод с Антонием Оратором, как представляется, не опровергает данное соображение. В 113 г. Антоний был обвинен не перед понтификами, а в государственном суде, который в этом году учредил плебейский трибун Педуцей для разбора дела весталок. Меммиев закон, позволявший Антонию добиться отсрочки рассмотрения дела, имел, по-видимому, общий характер, распространялся только на *quaestiones* и был принят ранее Педуцеева закона²⁴, так что его составитель не мог предусмотреть, что льготой воспользуется лицо, обвиненное в связи с весталкой²⁵. Представляется весьма сомнительным, что эта или иные подобные льготы²⁶ могли быть действительны в суде понтификов по делу об инцесте. Иммунитет магистратов в государственных судах (*quaestiones*) предусматривался законами об учреждении этих судов²⁷, а поскольку закона, регулирующего процедуру суда понтификов над весталками и их любовниками, по-видимому, не существовало, то не существовало и иммунитета для должностных лиц в таких процессах.

Следующий вопрос, связанный с процессом 73 г. и вызвавший у исследователей разногласия, – это вопрос о том, был ли вынесен *оправдательный приговор Катилине*. У Цицерона есть упоминания о том, что Катилина был оправдан дважды. В речи, произнесенной в 61 г. в сенате по поводу оправдания Клодия, обвиненного в осквернении таинств Доброй Богини, он заявил: «Дважды был оправдан Лентул, дважды Катилина, это уже третий, кого судьи выпускают на государство» (Att. I. 16. 9). В 55 г. Цицерон, обращаясь к Пизону, вновь напоминает о том, что Катилина дважды был неправоммерно оправдан (Pis. 95). Имеются сведения о двух оправданиях Катилины: в 65 г., когда он был обвинен в вымогательстве (Ascon. 86–87, 89, 92), и в 64 г., когда он предстал перед судом по обвинению в убийстве (Ascon. 91; Cass. Dio XXXVII. 10. 3). Таким образом, дело весталок, хронологически им предшествующее, Цицерон не учитывает, и напрашивается вывод, что в этом случае оправдательного приговора не было.

Для объяснения этой трудности высказывалось предположение, что в действительности Катилина был оправдан трижды, но Цицерон предпочел умолчать об эпизоде с весталкой Фабией, так как она была его родственницей: он расценивал приговор понтификов как справедливый и не желал ставить его в один ряд с несправедливыми оправданиями Катилины в 65 и 64 годах²⁸. Однако данное объяснение

²² Lewis 2001, 144–145.

²³ Cadoux 2005, 167–168; ср. Lovisi 1998, 703–704; Смирнова 1997, 151–152.

²⁴ Weinrib 1968, 37–41.

²⁵ Подробнее о проблемах, связанных с делом Антония, см. Любимова 2014, 213–219.

²⁶ Конечно, Красс в любом случае не мог бы сослаться на Меммиев закон, ибо тот предоставлял иммунитет лишь отсутствующим по делам государства, Красс же присутствовал в городе.

²⁷ Weinrib 1968, 35–36, 55–56.

²⁸ Drumann 1964, 418; Cadoux 2005, 172–173; Ravizza 2006, 4–6; Бугаева 2010, 210.

представляется не слишком убедительным: ведь аудитория Цицерона должна была знать, сколько раз на самом деле был оправдан Катилина (судя по словам Лентула Суры, сказанным в 63 г. (Cic. Cat. III. 9), дело весталок хорошо запомнилось в обществе). Явное несоответствие слов Цицерона общеизвестным сведениям могло привлечь к ним внимание и поставить оратора в уязвимое положение. Если бы Цицерон опасался повредить Фабии, то ему следовало бы не упоминать о двух оправданиях Катилины в общем, а конкретизировать, какие именно приговоры он считает несправедливыми, что отвлекло бы внимание слушателей от неудобного эпизода. Однако какие-либо уточнения у него отсутствуют, в обоих случаях оратор говорит просто «дважды оправдан», *bis absolutus*. Если всего оправданий было три, то, выражаясь таким образом, Цицерон предоставлял аудитории самой определить, какие два из трех приговоров следует считать неправосудными, и часть слушателей вполне могла отнести его слова к делу весталок, что вряд ли было для него желательно. Поэтому представляется вполне более вероятным, что Катилина действительно был оправдан только дважды – в 65 и 64 годах, а в 73 г. лишь избежал осуждения (*evasit*, как выражается Орозий, VI. 3. 1)²⁹.

Тогда возникает следующий вопрос: каким образом Катилина освободился от подозрения в связи с Фабией, если в отношении него не было вынесено формального оправдательного вердикта? Д. Шэклтон Бэйли выдвинул гипотезу о том, что Катилине вообще не было предъявлено формального обвинения³⁰; однако эта версия требует признать недостоверным свидетельство Орозия о том, что он был обвинен (VI. 3. 1: *Catilina incesti accusatus*). Против этого уже высказывались серьезные возражения, и представляется, что нет никаких оснований отвергать свидетельство Орозия как ненадежное³¹. Более убедительную гипотезу предлагает Р. Льюис: он доказывает, что в делах об инцесте весталок приговоры не могли быть коллективными и выносились каждому обвиняемому в отдельности, причем сперва голосование проводилось относительно весталки, а затем – относительно ее предполагаемого любовника³². По его мнению, освобождение Катилины из-под суда без формального вердикта объясняется тем, что Фабия была объявлена невиновной прежде, чем в суде состоялось голосование относительно самого Катилины, и в результате рассмотрение дела прекратилось³³.

Недостаток данной гипотезы, однако, состоит в том, что она предполагает разную судебную процедуру для двух пар обвиняемых в 73 г.: известно, что понтифики вынесли оправдательный приговор не только Лицинии, но и ее предполагаемому любовнику Крассу (Plut. Crass. 1. 2). Не исключено, что Плутарх неточно выражается, и в данном случае Красс тоже был освобожден из-под суда без формального вердикта, в силу оправдания Лицинии, однако Р. Льюис справедливо отмечает, что такой подход к источникам был бы слишком грубым и произвольным.

²⁹ Moreau 1982, 236; Lewis 2001, 144.

³⁰ Bailey 1965, 319; с ним согласен Ф. Моро (1982, 236).

³¹ Cadoux 2005, 169–170; Ravizza 2006, 4–5; Бугаева 2010, 205–212.

³² Lewis 2001, 142–145.

³³ Т. Каду (2005, 170) сомневается в том, что невиновность Фабии могла быть доказана безотносительно дела ее предполагаемого любовника. Действительно, процессы весталки и ее любовника должны быть тесно взаимосвязаны по составу доказательств и содержанию защитительных речей, и вполне возможно, что оба дела рассматривались одновременно, на одном заседании коллегии понтификов. Однако приговор им вполне могли выносить раздельно и последовательно.

Остается предположить, что в одном из двух случаев процедура подверглась изменению³⁴.

Для того чтобы понять, почему это произошло, следует сперва рассмотреть третью проблему, связанную с этим процессом, – *выступление Клодия*. Характеризуя Катона Младшего, Плутарх сообщает следующее: «Однажды, когда он выступил против народного вожака Клодия, сеявшего великие смуты и мятежи и старавшегося очернить в глазах народа жрецов и жриц (опасности подвергалась даже Фабия, сестра Теренции, супруги Цицерона), когда, повторяю, он выступил против Клодия и, навлекши на него бесславие и позор, заставил покинуть город, то в ответ на слова признательности, с которыми обратился к нему Цицерон, заметил, что признательность следует питать к государству, ибо лишь ради государства трудится и занимается политической деятельностью Катон» (Cat. Min. 19. 3; пер. С.П. Маркиша с изменениями)³⁵. Данный эпизод приводится для иллюстрации личных качеств Катона и не включен в хронологию повествования. Современные исследователи предлагают три датировки для этого выступления Клодия: 73 год – во время процесса весталок³⁶, 65 год – когда Клодий обвинял Катилину в вымогательстве³⁷, и 61 год – во время суда над самим Клодием по обвинению в осквернении таинств Доброй Богини³⁸. Представляется, что Т. Каду в работе 2005 г. привел чрезвычайно убедительные аргументы в пользу наиболее ранней датировки, которые, насколько мне известно, пока никем не оспаривались и к которым трудно что-либо добавить³⁹.

Остается решить вопрос: какую роль Клодий играл в этом деле. Некоторые авторы полагают, что он был обвинителем⁴⁰, однако Плутарх сообщает о его речах не в суде, а перед народом (διαβάλλοντι πρὸς τὸν δῆμον), и из этих слов нельзя сделать вывод, что он выступал в роли *accusator*⁴¹. По всей вероятности, речь здесь идет о выступлении Клодия на сходке (*contio*), созванной кем-то из трибу-

³⁴ Lewis 2001, 146–147.

³⁵ Ἐνστάς δέ ποτε Κλωδίῳ τῷ δημαγωγῷ, κινεῖντι καὶ πράττοντι μεγάλων ἀρχὰς νεωτερισμῶν, καὶ διαβάλλοντι πρὸς τὸν δῆμον ἱερεῖς καὶ ἱερείας, ἐν οἷς καὶ Φαβία Τερεντίας ἀδελφὴ τῆς Κικέρωνος γυναικὸς ἐκινδύνευσε, τὸν μὲν Κλώδιον αἰσχρῆ περιβαλὼν ἠνάγκασεν ὑπεκστῆναι τῆς πόλεως, τοῦ δὲ Κικέρωνος εὐχαριστοῦντος, τῇ πόλει δεῖν ἔχειν ἔφη χάριν αὐτόν, ὡς ἐκεῖνης ἔνεκα πάντα ποιῶν καὶ πολιτευόμενος. Предположение Д. Келли, что в этом месте у Плутарха следует читать Πλώτιος вместо Κλώδιος (Kelly 1970, 140. Not. 10), представляется слишком рискованным.

³⁶ Hagen 1854, 78–79; Gruen 1971, 60–61; Twyman 1972, 857, 871–872; Gruen 1974, 42; Marshall 1985a, 295, 309; Keaveney 1992, 72.

³⁷ Drumann 1964, 418.

³⁸ Moreau 1982, 232–239; Tatum 1999, 44, 89; Lewis 2001, 147–149; Ravizza 2006, 6–7.

³⁹ Cadoux 2005, 173–178. Единственный довод, на который не ответил Р. Каду, это утверждение, что в 73 г. Клодий находился в штабе Л. Лукулла на Востоке (Ravizza 2006, 7, со ссылкой на Tatum 1999, 44). Однако сам Дж. Тэйтум в указанном месте признает, что надежные свидетельства о присутствии Клодия в войске Лукулла относятся только к 67 г. (*Plut. Luc.* 34), и хотя он наверняка прибыл туда раньше, предположение о его отъезде из Рима именно в 74 г. остается лишь предположением. Напротив, пребывание Клодия на Востоке хорошо согласуется с утверждением Плутарха, что он покинул Рим после своих выступлений против весталок.

⁴⁰ Gruen 1971, 60–61; Twyman 1972, 857, 871–872; Marshall 1985a, 295, 309; Epstein 1986, 232–233.

⁴¹ Moreau 1982, 236; Ravizza 2006, 7; Lewis 2001, 148; Cadoux 2005, 175.

нов⁴². Однако представляется маловероятным, чтобы 19/20-летний Клодий столь внезапно и активно вмешался в это дело, если прежде не имел к нему никакого отношения⁴³. Процедура суда понтификов над весталками известна не слишком хорошо, и высказывались сомнения в том, что она вообще предусматривала участие формальных обвинителей; однако Клодий вполне мог сыграть в этом деле ту роль, которую сыграл неизвестный *κατήγορος* в ходе суда над Тукцией около 230 г. (Dion. Hal. II. 69), а Плотий – в ходе суда над Лицинией в этом же 73 г.: т.е., сделать перед понтификами заявление об утрате Фабией целомудрия и представить для его обоснования некие собранные им доказательства и, возможно, свидетельские показания⁴⁴.

Возникает вопрос, чего же добивался Клодий своим выступлением на сходке? Р. Каду предполагает, что оправдание весталок было воспринято общественным мнением как несправедливое, и Клодий, подобно Сексту Педуцею в 113 г., требовал повторного суда над ними⁴⁵. Однако здесь не учитывается важное обстоятельство: если в 113 г. Педуцей занимал должность плебейского трибуна и мог провести закон об учреждении государственного суда над весталками (Ascon. 45–46 C), то в 73 г. не только сам Клодий как частное лицо, но и плебейские трибуны не были на это способны: диктатор Сулла лишил их законодательной инициативы⁴⁶. Провести такой закон могли бы консулы, но вряд ли юный Клодий рассчитывал, что при помощи выступлений на сходке добьется от них столь решительных мер, тем более, что один из них, М. Лукулл, входил в коллегияю понтификов⁴⁷, и новое вторжение в ее традиционную сферу ведения умаляло бы и его собственный авторитет как члена коллегии.

Представляется, что задача Клодия была скромнее: оказать давление на суд понтификов и добиться осуждения обвиняемых. Однако, судя по тому, что он порочил не только жриц, но и жрецов, к моменту его выступления коллегия понтификов уже приняла какое-то спорное постановление (или постановления) по этому делу. В свете сказанного выше можно предположить, что недовольство Клодия было вызвано тем, что голосование относительно Фабии и Катилины проводилось последовательно, в результате чего Катилина был освобожден от обвинения без формального оправдательного вердикта. Такая процедура голосования была благоприятна для обвиняемых: если понтифики выносили приговор одной лишь Фабии, они легче могли поддаться чувству сострадания к девушке из хорошей семьи, которой грозила страшная смерть. Но если бы одновременно с ее судьбой решалась участь Катилины, человека, обладавшего дурной репутацией и запятнанного пытками и убийствами, то настроение судей и исход их голосования могли быть иными. В отсутствие верховного понтифика Метелла Пия, находившегося в Испании, коллегией, вероятно, руководил Катул⁴⁸, и именно это его решение о порядке голосования может иметь в виду Орозий, утверждая, что Катилина спасся

⁴² Cadoux 2005, 177–178. О сходках, не предназначенных для подготовки к комициям, см. Pina Polo 1996, 14; в частности, о сходке, созванной для оказания давления на суд, см., например, Ascon. 40, 42, 52 C.

⁴³ О дате рождения Клодия см. Hillard 1973, 508–509.

⁴⁴ Подробнее об участии обвинителей в судах над весталками см. Любимова 2014, 229–230. Далее о Плотии и Клодии для простоты изложения будет говориться как об обвинителях, хотя, возможно, это и не вполне точно.

⁴⁵ Cadoux 2005, 77–78.

⁴⁶ *Liv. Per.* 89; ср. Keaveney 2005, 140–141, 213; Griffin 1973, 203–204.

⁴⁷ Taylor 1942, 401, 411.

⁴⁸ Lewis 2001, 144; Cadoux 2005, 166; Любимова 2014.

при помощи Катугла (Oros. VI. 3. 1, *Catuli gratia*). И сам Катилина упоминает о замечательной верности, которую Катугл проявил по отношению к нему в опасную минуту (Sall. Cat. 35. 1, *egregia fides*)⁴⁹. Такая процедура вынесения приговора действительно могла вызвать у народа недовольство, особенно если она отклонялась от традиционной, и Клодий мог требовать повторного голосования понтификов по делу Фабии и Катилины – на сей раз одновременного, а не последовательного. По-видимому, коллегия понтификов проигнорировала требования Клодия относительно первой пары обвиняемых, решение о которой уже было принято, но все же учла их при рассмотрении обвинения против следующей пары, – судя по тому, что оправдательный приговор был вынесен не только Лицинии, но и самому Крассу. Таким образом, выступление Клодия, вероятно, состоялось между двумя заседаниями коллегии, на первом из которых рассматривалось дело Фабии, а на втором – Лицинии⁵⁰, и обусловило различие процедур в этих двух случаях.

Итак, представляется наиболее вероятным, что события развивались следующим образом: в 73 г. коллегия понтификов судила весталку Фабию, обвиненную в связи с Катилиной, и Лицинию, обвиненную в связи с Крассом. Руководил слушаниями, скорее всего, Катугл как старейший член коллегии понтификов. Дело Фабии и Катилины рассматривалось в первый день; обвинение против них выдвинул, возможно, Клодий, защищал же их Марк Пизон⁵¹. Голосование судей происходило последовательно, и после того как Фабию признали невиновной, Катилина был освобожден из-под суда без вынесения формального вердикта. Такая процедура, вероятно, отклонялась от традиционной либо просто выглядела недостаточно суровой для столь тяжкого обвинения, и возмущенный Клодий на сходке, созванной кем-то из трибунов, напал с обвинениями на весталок и понтификов, Катон же выступил против него с резкими возражениями. После этого понтифики вновь собрались для рассмотрения дела Лицинии и Красса, который в этом году, вероятно, занимал должность претора; обвинение против них выдвинул некий Плотий, а защитительную речь произнес сам Красс (Plut. Crass. 1). На этот раз голосование судей, видимо, происходило не последовательно, а одновременно, так что оправдательный вердикт был вынесен в отношении обоих обвиняемых.

Теперь следует перейти к рассмотрению целей и мотивов действующих лиц и попытаться выяснить, имело ли это судебное дело какой-то политический смысл.

Прежде всего необходимо отметить два важных момента. Во-первых, мы почти ничего не знаем о сути доказательств, представленных против весталок: известно лишь, что Красс оказывал Лицинии слишком явные знаки внимания (Plut. Crass. 1), а Катилина пользовался дурной репутацией вследствие своего участия в сулланских расправах, что могло послужить косвенным доказательством его общей безнравственности (Ascon. 89–91 C; ср. Q. Cic. Comm. Pet. 9–10; Sall. Cat. 5. 1–2)⁵².

⁴⁹ О дружеских отношениях Катилины и Катугла в этот период см. ниже.

⁵⁰ О раздельном рассмотрении обвинений против весталок см. *Macrob. Sat. I. 10. 5–6*.

⁵¹ Участие Пизона в процессе Лицинии и Красса практически исключено (Lewis 2001, 144–145); Льюис исключает и его выступление в защиту Катилины, поскольку тот не был формально оправдан; однако, как говорилось выше, дела Фабии и Катилины, скорее всего, рассматривались на одном и том же заседании, и адвокат, защищавший весталку, неизбежно должен был опровергать и обвинение против ее предполагаемого любовника.

⁵² В источниках содержатся и прямые указания на распутный образ жизни Катилины (например, *Ascon. 91–92 C*; *Q. Cic. Comm. Pet. 9–10*; *Sall. Cat. 15*), однако они относятся к более позднему времени, и не ясно, существовали ли эти сплетни уже в 73 г. О значении морального облика и репутации обвиняемого в римском суде см. Смышляев 2008, 76–95, особ. 83–87.

Однако есть основания полагать, что римское общество действительно считало Фабию и Лицинию виновными в нарушении обета целомудрия⁵³.

Во-первых, Лентул Сура в 63 г. заявлял, что текущий год – гибельный для государства, так как это десятый год после оправдания весталок и двадцатый – после пожара Капитолия (Cic. Cat. III. 9); таким образом, приговор понтификов по делу весталок стоит здесь в одном ряду с разрушением главного римского храма. Во-вторых, успех Марка Пизона, защитника Фабии, расценивался как выдающееся достижение оратора; следовательно, перед ним стояла весьма сложная задача и его подзащитной действительно угрожало осуждение (Cic. Brut. 236). В-третьих, Плутарх сообщает, что вследствие выступления Клодия Фабия подвергалась реальной опасности (Plut. Cat. Min. 19); следовательно, оно нашло в народе горячий отклик. Наконец, в-четвертых, известно, что Красс объяснил свое внимание к Лицинии желанием дешево приобрести ее поместье, и судьи поверили этому объяснению. Примечательно, однако, что уже после оправдания Лициния все-таки продала ему свое имение (Plut. Crass. 1. 2). Если бы представленное Крассом оправдание соответствовало действительности и не вызывало ни у кого сомнений, то вряд ли Лициния пошла бы навстречу человеку, который пытался ее обмануть в денежных делах и чуть не погубил своим корыстолюбием. Но если подозрения сохранялись, то полезно было еще раз подтвердить, что Красса интересует именно торговая сделка. Таким образом, общественное мнение, по-видимому, было не на стороне обвиняемых. С другой стороны, насколько известно, в 74–73 годах не отмечалось ни крупных военных поражений, сопряженных с потерей армии, ни природных катастроф и эпидемий, ни зловещих знамений, – т.е. ничего из тех событий, которые могли породить в обществе подозрение, что обряды Весты осквернены и мир с богами нарушен⁵⁴. Правда, в 73 г. началось восстание Спартака, на что указывает Р. Уилдфанг в связи с процессом весталок⁵⁵, однако первоначально в Риме ему не придавали должного значения, и лишь в 72 г. на войну были направлены консулы (Plut. Crass. 9)⁵⁶.

Таким образом, против жриц, по-видимому, были представлены некие конкретные доказательства, которые выглядели довольно убедительно (если не для судей, то, во всяком случае, для простого народа) и не сводились к общерелигиозным соображениям, и это дело по своему содержанию было довольно близко к обычному уголовному суду. Можно предложить, что и обвинители руководствовались не религиозными, а иными мотивами, особенно Клодий, вовсе не отличавшийся благочестием и спустя 12 лет сам представший перед судом по обвинению в осквернении священнодействий.

Однако по крайней мере в одном аспекте данный процесс существенно отличался от обычного уголовного обвинения – и это второй важный момент, который необходимо отметить. Хотя в качестве наказания за ряд уголовных преступлений

⁵³ Cadoux 2005, 177; Ravizza 2006, 9.

⁵⁴ О перечисленных событиях как признаках осквернения обрядов Весты см. Cornell 1981, 28, 31, 34; Lovisi 1998, 700, 703–704; Staples 2004, 136–138; Боровков 2009, 93–96.

⁵⁵ Wildfang 2006, 96. Р. Уилдфанг полагает, что в 73 г. обстановка в Риме также была крайне напряженной из-за агитации плебейских трибунов и перебоев с продовольствием, однако вряд ли эти факторы можно поставить в один ряд с поражением при Каннах или разгромом армии Карбона, послужившими фоном для предыдущих двух процессов весталок в 216 и 114/113 гг. А. Стэллс (2004, 138) также подчеркивает отсутствие кризиса в 73 г.

⁵⁶ Cp. Marshall 1973, 109–121.

в Риме была формально предусмотрена смертная казнь, в реальности она применялась крайне редко, и в большинстве случаев обвиняемый имел возможность уйти в изгнание, сохранив не только жизнь, но и часть имущества. Это привело к фактической отмене смертной казни за уголовные преступления к I веку⁵⁷. Данный обычай, как пишет Р. Келли, обеспечивал стабильность и согласие (*concordia*) в римской политической жизни и снижал ставки в политической борьбе. В условиях, когда уголовный суд нередко служил средством сведения политических и личных счетов, проигравшим не было необходимости переходить к открытому насилию и мятежу ради спасения своей жизни⁵⁸. Но в суде, рассматривавшем прелюбодеяние весталок, дело обстояло иначе. Если понтифики признавали весталку виновной в нарушении обета целомудрия, она осуждалась на погребение заживо, а ее любовника насмерть засекали розгами в комиции⁵⁹, причем приговор приводили в исполнение немедленно (*statim* – *Plin. Ep. IV. 11. 7*). Наказание преступников имело значение для религиозного искупления, и вряд ли Крассу и Катилине позволили бы уйти в изгнание. Даже если бы они бежали из города до суда, государство, вероятно, приняло бы меры для их розыска и казни, как произошло в случае с Кв. Племинием в 204 г. и Л. Гостилием Тубулом в 141 г. ввиду особой тяжести их преступлений⁶⁰. Что касается Фабии и Лицинии, то в случае осуждения единственной альтернативой погребению заживо для них было бы самоубийство (*Liv. XXII. 57. 2; Oros. IV. 5. 6–9; Suet. Dom. 8. 3–4*). Таким образом, инициаторы данного обвинения должны были осознавать, что успех их предприятия приведет к смерти четырех человек. По меркам римских уголовных судов того времени такой исход был бы исключительно суровым⁶¹. Поэтому следует предположить у обвинителей более серьезную мотивацию, чем просто стремление прославиться и приобрести популярность, которым Э. Грюэн объясняет действия Клодия⁶². Если его цель была именно такова, то он имел возможность затеять громкий процесс в любом из постоянных судов, который не ставил бы под угрозу жизнь обвиняемого и был бы хотя и менее скандальным, зато более публичным, так как происходил бы на Форуме, а не в Регии⁶³. В 65 г. он именно так и поступил, обвинив Катилину в вымогательстве, причем, судя по слухам о сговоре между обвинителем и обвиняемым, Клодий в этом случае вовсе не проявил особой суровости⁶⁴.

Попытки дать процессу 73 г. объяснение в рамках дихотомической концепции, рассматривающей политическую борьбу в Поздней республике как противостояние двух политических направлений или течений – оптиматов и популяров, – тоже вызывают сомнения. Особенно это относится к гипотезе Р. Баумана, который

⁵⁷ Bauman 1996, 13–20; 2000, 44–47.

⁵⁸ Kelly 2006, 1–2, 9–13.

⁵⁹ *Plut. Numa 10; Dion. Hal. II. 67. 3–5; Plin. Ep. IV. 11. 6–11*, см. Lovisi 1998, 721–735; Wildfang 2006, 57–61.

⁶⁰ Kelly 2006, 45–54.

⁶¹ За последние 50 лет Республики в Риме не был казнен ни один осужденный гражданин (Bauman 2000, 46).

⁶² Gruen 1974, 42.

⁶³ Если бы понтифики вынесли обвинительный приговор Фабии и Катилине, чего добивался Клодий, то он, вероятно, не имел бы повода для выступления на сходке перед народом.

⁶⁴ См. источники: Alexander 1990, 106. Э. Грюэн (1971, 59–62) и Дж Тэйтум (1999, 54–55) ставят под сомнение существование сговора.

приписывает популярскую окраску поведению самих весталок⁶⁵. В своем анализе дела 73 г. он исходит из того, что оно слушалось в суде присяжных, а не в коллегии понтификов, однако в другой работе я попыталась показать, что эта точка зрения, скорее всего, ошибочна⁶⁶. Что касается популярской окраски и популистской идеологии, свойственных, по мнению Р. Баумана, коллегии весталок в этот период, то аргументы в пользу данного утверждения⁶⁷ выглядят неубедительными. Папиев закон, установивший, что весталки избираются по жребию на сходке⁶⁸ из 12 девочек, предварительно отобранных верховным понтификом, действительно ограничил традиционные полномочия последнего⁶⁹, но вряд ли мог повлиять на умонастроения внутри самой коллегии весталок – ведь девочек принимали в нее в возрасте 6–10 лет (Gell. N.A. I. 12. 1); кроме того, народ в этой процедуре играл лишь пассивную роль, да и дата принятия данного закона точно не известна⁷⁰. Заступничество жриц в пользу Цезаря перед Суллой также не доказывает их популярских настроений – ведь другими заступниками были Котта и Мамерк Лепид, друзья Суллы, которых трудно назвать популярями⁷¹. Остальные случаи вмешательства весталок в политику на протяжении 60-х годов (в связи с заговором Катилины, выборами на 62-й год, делом Доброй Богини) также не имеют ничего общего с деятельностью популяров⁷².

Другие гипотезы, рассматривающие процесс 73 г. в контексте борьбы двух политических течений, выглядят более убедительными, однако тоже вызывают сомнения. Прежде всего, бросаются в глаза трудности исследователей при отношении участников процесса к тому или иному направлению: если Ф. Мюнцер и Т. Каду считают, что обвинители были популярями (демократами, радикалами), а обвиняемые оптиматами (сулланцами, представителями нобилитета)⁷³, то Р. Уилдфанг придерживается противоположного мнения⁷⁴.

Эти трудности вполне понятны, если рассмотреть биографии участников данного процесса. До 73 г. трое из четверых были тесно связаны с Суллой: Красс и Катилина непосредственно участвовали в гражданской войне на его стороне (Plut. Crass. 6; Ascon. 84 C; App. BC. II. 2), Клодий был для этого еще слишком молод, но его отец был сторонником Суллы и получил консульство на 79-й год⁷⁵. О том, какую сторону в гражданской войне занимал Плотий, никаких сведений в источниках нет. После 73 г. на каком-то этапе своей карьеры каждый из четверых участников

⁶⁵ Bauman 1992, 61, ср. 58.

⁶⁶ Любимова 2014, 211–234.

⁶⁷ Bauman 1992, 61–63.

⁶⁸ Gell. N.A. I. 12. 11: in contione, а не в калатных комициях, как пишет Р. Бауман (1992, 61).

⁶⁹ Bauman 1992, 61.

⁷⁰ Koch 1958, 1744; Rawson 1974, 210.

⁷¹ Suet. Iul. 1. 2; ср. Sumner 1964, 44–47 (о Мамерке); Ward 1977, 16 (о Котте).

⁷² Интерпретация, которую Р. Бауман дает суду над весталками в 114/113 гг., еще менее убедительна: он расценивает это дело как протест весталок против наложенных на них традиционных ограничений, который увенчался частичным успехом, в том смысле, что на смену жреческому суду над весталками пришел государственный суд (Bauman, 1992, 57–58, 63). Непонятно, однако, каким образом можно расценить тайные действия как протест, а учреждение Кассиева суда – как достижение весталок, если этот суд осудил жриц после того, как понтифики их оправдали (Wildfang 2006, 97).

⁷³ Münzer 1920, 96–97. Anm. 1; Cadoux 2005, 178–179.

⁷⁴ Wildfang 2006, 96–97.

⁷⁵ Keaveney 1984, 118, 144.

предлагал или поддерживал те или иные мероприятия, которые можно расценить как популярные: для Плотия (если верна его идентификация с плебейским трибуном 70 г., о которой см. ниже) это закон о возвращении гражданства сторонникам Лепида, бежавшим к Серторию и аграрный закон или законопроект⁷⁶; для Красса – по меньшей мере закон о восстановлении прав плебейских трибунов в 70 г. (Ascon. 76 C) и поддержка аграрного закона Цезаря в 59 г. (Plut. Caes. 14; Cass. Dio XXXVIII. 4. 4; 5. 5); для Катилины – попытка добиться отмены долгов (Cic. Cat. II. 18–21; Sall. Cat. 19. 13; 21. 2; 33); для Клодия – фактически вся его политика во время и после трибуната 58 г. Таким образом, вряд ли плодотворно объяснять процесс 73 г. «партийной принадлежностью» участников, если определять ее на основе анализа их карьер в целом. Если же ориентироваться на ближайшие по времени события, то результаты будут еще более неутешительны: в 70 г. и Плотий, и Красс проводили популярные мероприятия, однако всего тремя годами ранее в суде понтификов Плотий выступал против Красса.

Попытка Р. Каду привлечь для объяснения имени и происхождения участников процесса также не представляется убедительной. Он считает признаком радикальных взглядов Клодия и Плотия избранный ими вариант написания родовых имен (Clodius и Plotius вместо Claudius и Plautius)⁷⁷. Однако написание имени через *o* вместо *au* может и не иметь отношения к политической позиции его обладателя и объясняться просто следованием моде⁷⁸. С другой стороны, Р. Каду подчеркивает знатность обвиняемых – как весталок, так и их предполагаемых любовников, – и противопоставляет их в этом отношении обвинителям⁷⁹. Но род Клавдиев был патрицианским, как и Сергии, к которым принадлежал Катилина⁸⁰, и более знатным, чем плебейский род Лициниев Крассов. О происхождении Плотия ничего достоверно не известно, и нельзя исключать, что он вел свое происхождение от первых плебейских консулов, т.е. мог быть равен Крассу по знатности⁸¹. Принадлежность Фабии и Лицинии к высшей знати также вызывает некоторые сомнения (см. прим. 3).

Таким образом, представляется, что следует отказаться от попыток объяснить процесс 73 г. как противостояние оптиматов и популяров. Рассмотрим гипотезы, объясняющие этот суд в рамках плюралистического представления о римской политике как о борьбе небольших группировок знати, сформированных на основе родственных и дружеских связей и обмена услугами между нобилями. Б. Тваймен интерпретирует римскую политику 70-х годов как соперничество за власть между двумя группировками, в одну из которых входили Клавдии, Метеллы, Лукуллы и Помпей, а в другую – Катул, Гортензий и Котты⁸². Процесс Катилины и Фабии в рамках этой концепции оказывается нападением группировки Клавдиев-Метеллов

⁷⁶ Broughton 1951, 128.

⁷⁷ Cadoux 2005, 178.

⁷⁸ Tatum 1999, 247–248.

⁷⁹ Cadoux 2005, 178–179.

⁸⁰ Клавдии даже имели преимущество, так как со времен ранней Республики регулярно занимали консульскую должность (и, в частности, ветвь Клавдиев Пульхров с 249 по 79 г. дала девять консулов), тогда как Сергии выпали из консульских списков после 429 г., а в 380 г. представитель этого рода в последний раз стал военным трибуном с консульской властью; после этого они не поднимались выше претуры.

⁸¹ Münzer 1920, 42–44.

⁸² Twyman 1972, 853–862.

на группировку Катугла, другом которого в то время был Кагилина⁸³. Процесс Красса и Лицинии Б. Тваймен не рассматривает, но он вполне вписывается в его представления, ибо Красса исследователь относит к окружению Катугла⁸⁴, у Плотия же можно усмотреть связи с Помпеем⁸⁵. Проблема, однако, состоит в том, что доводы в пользу принадлежности Красса к группировке Катугла не особенно убедительны: они сводятся лишь к тому, что отец Красса был тесно связан с Луцием Цезарем, консулом 90 г., который приходился сводным братом отцу Катугла⁸⁶. Однако у нас нет никаких сведений ни о дружбе Красса-старшего с самим Катуглом-старшим, ни о том, что Красс-триумвир унаследовал эту дружбу. Скорее можно предполагать обратное: во время совместной цензуры в 65 г. Красс и Катугл так сильно конфликтовали друг с другом, что вынуждены были сложить полномочия, не завершив ни одного мероприятия (*Plut. Crass. 13; Cass. Dio XXXVII. 9. 3*). Таким образом, нет и оснований считать, что обвинение, предъявленное Крассу в 73 г., представляло собой нападение группировки Клавдиев–Метеллов на группировку Катугла.

Наиболее перспективным представляется объяснение, выдвинутое А. Уордом и Э. Грюэном и поддержанное М. Равиццей⁸⁷. В центре этого объяснения стоит личность Плотия, обвинителя Лицинии. О самом этом человеке Плутарх (*Crass. 1*) больше ничего не сообщает. Для данного периода времени в источниках упоминается мало представителей рода Плавтиев (Плотиев), но все же известно три Плотия (Плавтия), которых можно идентифицировать с обвинителем Лицинии на основании сведений об их карьерах. Во-первых, это плебейский трибун 70 г. Плотий (Плавтий), который провел закон о возвращении гражданства сторонникам Лепида, бежавшим к Серторию, и аграрный закон о предоставлении земли ветеранам Помпея и Метелла Пия⁸⁸. Во-вторых, это Авл Плотий (Плавтий), который в 67–63 гг. служил легатом Помпея на войне против пиратов и Митридата (*App. Mithr. 95; Flor. III. 6. 9; RRC 431*), в 56 г. в должности трибуна зачитал письмо египетского царя Птолемея Авлета с просьбой о том, чтобы его восстановил на престоле Помпей (*Cass. Dio XXXIX. 16. 2*), в 54 г. занимал должность эдила (*Cic. Planc. 17; 53; RRC 431*), в 51 г. – городского претора (*Cic. Fam. V. 15. 1*), а в 49–48

⁸³ Twyman 1972, 857, 871–872.

⁸⁴ Twyman 1972, 860.

⁸⁵ Ward 1977, 75; подробнее см. ниже.

⁸⁶ Twyman 1972, 860.

⁸⁷ Gruen 1974, 41; Ward 1977, 75; Ravizza 2006, 8–9.

⁸⁸ Ссылки на источники см. Broughton 1951, 128; о датировке его трибуната см. Broughton 1951, 130. Not. 4; об аграрном законе см. Smith 1957, 82–85. Б. Маршалл (1972, 43–52) полагает, что аграрный законопроект Плотия дошел лишь до стадии одобрения сенатом, после чего был отложен, но Л.А. Вальверде (2001, 65–74) на эпиграфическом материале доказывает, что закон был принят и по крайней мере частично реализован. Ф. Фонтанелла (2004, 519–521) датирует принятие закона о возвращении изгнанников (и, соответственно, трибунат Плотия) 71 г. на основании пассажа Цицерона (*Verf. II. 5. 152*), где оратор обвиняет Верреса в том, что он казнил бежавших на Сицилию серторианцев, которым сенат и народ предоставили амнистию. Однако такая датировка противоречит сведениям Ливия о том, что Сулла полностью лишил трибунов права законодательной инициативы (*Liv. Per. 89: omne ius legum ferendarum ademit*). Представляется более правдоподобным объяснение Ф. Инара (1985, 168–169), согласно которому казни Верреса предшествовали амнистии, но ко времени суда над Верресом Плотиев закон уже был принят, чем и воспользовался Цицерон, чтобы дополнительно очернить Верреса. Следует отметить, что сам Веррес оправдывал свои действия именно тем, что казненные были серторианцами (*Cic. Verf. II. 5. 151*).

годах, возможно, был помпеянским наместником Вифинии и Понта⁸⁹. Э. Грюэн поддерживает первую идентификацию⁹⁰, А. Уорд и М. Равицца допускают оба варианта⁹¹. Существует и третья возможность: обвинять Лицинию мог Публий Плавтий Гипсей, который служил квестором Помпея во время войны с Митридатом (Cic. Flacc. 20; Ascon. 35 C), в 58 г. занимал должность эдила (RRC 423), в 56 г. добивался, чтобы Помпею было поручено восстановить Птолемея на египетском престоле (Cic. Fam. I. 1. 3), а в 53–52 гг. баллотировался в консулы при поддержке Помпея, хотя позднее последний отказался помочь ему в суде по обвинению в подкупе избирателей (Ascon. 35 C; Val. Max. IX. 5. 3). Итак, с кем бы из Плотиев ни отождествлять обвинителя Лицинии, в любом случае он должен быть довольно тесно связан с Помпеем, и, по мнению вышеназванных исследователей, именно в интересах Помпея он и выдвинул свое обвинение.

Если это так, то возникает вопрос: зачем Помпею понадобился этот суд? В Риме молодые люди нередко выдвигали громкие обвинения против известных политиков для того, чтобы прославиться и приобрести популярность⁹², однако если Помпей действительно стоял за делом весталок, то предпочел остаться в тени, и даже в случае обвинительного приговора лично ему никакой славы это дело не сулило; следовательно, необходимо искать иную мотивацию его действий. Все три названных выше исследователя (Э. Грюэн, А. Уорд и М. Равицца) в качестве таковой предполагают просто вражду или соперничество Помпея и Красса. Однако вряд ли такое объяснение можно признать удовлетворительным. Сомнительно, что в этот период времени у Помпея были какие-то основания для ненависти к Крассу: насколько известно, тот не причинил ему никакого вреда. Правда, Плутарх сообщает, что Красс завидовал молодому полководцу, однако подчеркивает, что ни в какие враждебные действия это соперничество не выливалось⁹³. Помпей же, которому в 73 г. исполнялось 33 года (Vell. II. 53. 4), уже успел отпраздновать триумф, вел в Испании войну в должности проконсула⁹⁴ и вряд ли мог завидовать положению Красса в государстве. Поскольку оба политика принадлежали приблизительно к одному поколению, естественно предположить, что между ними было обычное соперничество за должности, влияние и популярность, однако вряд ли оно могло побудить Помпея к выдвиганию обвинения против Красса – тем более такого обвинения, которое грозило не обычным изгнанием, но смертной казнью, причем не только самому Крассу, но и Лицинии, не имевшей никакого отношения к их соперничеству.

Если нам не известно ни о каких поступках Красса, которые могли бы навлечь на него личную ненависть Помпея, то, возможно, следует искать объяснение для враждебных действий последнего в политической деятельности Красса в 70-е годы. Сведения о них крайне скудны и обрывочны, однако их анализ позволяет сделать вывод, что в 76–73 годы Красс проявлял интерес к проблеме восстановления прав плебейских трибунов и оказывал поддержку политикам, выдвигавшим данное требование (трибунам Сицинию, Квинкцию и Лицинию Макру), тем самым постепенно готовя почву для отмены сулланских ограничений⁹⁵. Лозунг о

⁸⁹ Cic. Fam. XIII. 29. 4; ср. Münzer 1951, 8–9; Broughton 1951, 263, 277.

⁹⁰ Gruen 1974, 41.

⁹¹ Ward 1977, 75; Ravizza 2006, 8–9.

⁹² См., например, Polyb. XXXI. 29. 8–12; ср. Gelzer 1969, 83–85.

⁹³ Plut. Crass. 6. 5; 7; подробнее см. Любимова 2013б, 81–82.

⁹⁴ Broughton 1951, 81, 90, 112.

⁹⁵ Любимова 2013а, 148–157.

восстановлении трибунской власти вызывал сопротивление консервативных кругов в сенате, однако пользовался горячей народной поддержкой, и политик, осуществивший его, мог рассчитывать на значительный рост собственной популярности в народе, хотя и приобрел бы влиятельных врагов⁹⁶. В другой статье я попыталась показать, что знаменитый конфликт Красса и Помпея в их совместное консульство в 70 г., вероятно, был вызван тем, что Помпей перехватил инициативу и сумел получить львиную долю славы и народной любви за их совместный с Крассом закон о восстановлении прав трибунов⁹⁷. Попытаемся рассмотреть события 73 г. с этой же точки зрения.

Немалый интерес здесь представляет речь плебейского трибуна 73 г. Лициния Макра, изложенная Саллюстием (*Hist.* III. 48). Этот деятель – есть основания считать его союзником Красса⁹⁸ – призывает плебеев бороться за свои права и обличает жестокость сулланцев, которые отняли у народа свободу и преследуют его защитников. Однако фрагмент его речи, касающийся Помпея (*Sall. Hist.* III. 48, 21–23), содержит неразрешимое логическое противоречие. С одной стороны, Макр уверяет, что Помпей враждебен нобилитету и рад будет восстановить права трибунов. С другой стороны, из его слов ясно, что сулланцы пытаются отложить вопрос о трибунате до возвращения Помпея, Макр же убеждает народ, что отсрочки нобилитета – это западня, и призывает действовать немедленно, не дожидаясь Помпея. Возможно, после 70 г., в свете последующих событий Макр (или сам Саллюстий) добавил в речь упоминание о готовности Помпея восстановить права трибунов⁹⁹: поскольку он просто не мог знать наперед, какую позицию займет Помпей и решил заранее записать столь влиятельного человека себе в союзники¹⁰⁰. Во всяком случае, этот отрывок ясно свидетельствует о том, что Макр не желал дожидаться возвращения Помпея из Испании и требовал восстановить права трибунов немедленно. Сам он не имел возможности сделать это как раз из-за установленного Суллой ограничения, и мог лишь призывать народ к неповиновению, чтобы оказать давление на магистратов. Однако выше было показано, что одним из магистратов этого года, вероятно, был его союзник Красс, который занимал должность претора и, следовательно, обладал законодательной инициативой.

Конечно, ему предстояло бы встретить сопротивление консервативной части сената, но, возможно, он рассчитывал если не на поддержку, то, по крайней мере, на нейтралитет одного из консулов – Гая Кассия Лонгина, который не принадлежал к числу сторонников Суллы, однако имел семейные и личные связи с группировками Мария и Цинны и, как предполагает Б. Кац, был одним из тех консуляров, которые вели тайную переписку с Серторием¹⁰¹. Что же касается второго консула, Марка Лукулла, то от него можно было ожидать противодействия¹⁰², однако он, по-види-

⁹⁶ Любимова 2013в, 147–149; Santangelo 2014, 5–10, с предшествующей библиографией.

⁹⁷ Любимова 2013в.

⁹⁸ *Plut.* Cic. 9. 2; ср. Любимова 2013а, 155–156.

⁹⁹ Gelzer 1943, 9–10; Rossi 1965, 137–140; Twyman 1972, 852.

¹⁰⁰ Seager 1992, 214; 2002, 35.

¹⁰¹ *Plut.* Sert. 27. 3; Katz 1983, 359–362. Через 20 лет сын этого Кассия стал квестором Красса в парфянском походе (*Vell.* II. 46. 4; *Cass. Dio* XL. 25. 4), что может указывать на дружеские связи между ними в прошлом. Впрочем, не стоит придавать слишком большой вес этому аргументу, так как в следующем, 52 году, другой сын консула 73 года был квестором Помпея (Циркин 2005, 222–224).

¹⁰² В связи с процессом Гая Корнелия в 65 г. Цицерон называет Марка Лукулла врагом трибунской власти (*Ascon.* 79 C: inimicus tribuniciae potestatis, ср. 60 C и *Vax. Max.* VIII. 5. 4).

тому, уехал в провинцию Македония задолго до окончания своего консульского года¹⁰³, поэтому Красс мог дожидаться его отъезда, не объявляя о своих планах, а затем воспользоваться его отсутствием. Макр не афишировал своих связей с Крассом и утверждал, что действует в одиночку (Sall. Hist. III. 48. 3, 5), и если бы ему удалось действительно побудить народ к неповиновению и беспорядкам, то Красс мог бы представить законопроект о восстановлении прав трибунов не как демагогическое мероприятие, а как необходимое и меньшее зло и тем самым сделать свою политику несколько более приемлемой для консерваторов¹⁰⁴.

С другой стороны, есть основания предполагать, что Помпей тоже понимал, сколь значительные политические выгоды можно извлечь из восстановления трибунской власти. В 75 г. этот лозунг выдвигал Квинт Опимий (Ps.-Ascon. p. 200 Or.), который мог быть близок к Помпею, так как его брат ранее служил в штабе Помпея Страбона¹⁰⁵. Примечательно, что в перечне защитников интересов народа, пострадавших от произвола оптиматов в 70-е годы, который приводит Лициний Макр (союзник Красса), имя Опимия, в отличие от Сициния и Квинкция, отсутствует (Sall. Hist. III. 48. 8–11), хотя в 74 г. в наказание за свою деятельность тот был оштрафован на столь крупную сумму, что лишился всего состояния¹⁰⁶. Эта же речь Лициния Макра свидетельствует о том, что в 73 г. имя Помпея уже как-то связывалось с проектами восстановления трибунской власти, хотя его точные планы и были пока не ясны (Sall. Hist. III. 48. 21–23). Однако Помпей находился в Испании на войне против Сертория и до возвращения в Рим не мог предпринять никаких действий в этом направлении, – а Лициний Макр призывал не дожидаться его прибытия. Если Помпей не желал, чтобы вопрос о правах трибунов решился в его отсутствие, он должен был каким-то образом помешать Крассу поставить его на повестку дня.

Представляется, что эффективным средством для этого могло послужить судебное обвинение. В речи «За Мурену» (45–48) Цицерон пространно рассуждает о том, насколько трудно политику в одно и то же время добиваться консульства и готовить обвинение против одного из своих соперников: оба этих дела требуют большого труда, внимания и усилий, и выполнить их одновременно практически невозможно. Попытку решить сразу две эти задачи Цицерон называет в качестве одной из причин неудачи обвинителя Сервия Сульпиция Руфа на консульских выборах 63 г. (можно отметить, что дело против Мурены Сульпиций тоже проиграл).

¹⁰³ Цицерон сообщает, что Веррес, прибывший на Сицилию в начале 73 г. (Brennan 2000, 487–488, 834. Not. 84), в первый же день направил срочный вызов на суд галесцу Диону и затем потребовал от него огромную взятку; а Марк Лукулл, гостеприимец Диона и впоследствии свидетель в процессе Верреса, во время этих событий находился в Македонии (Cic. Verr. II. 2. 19–24; ср. Ps.-Ascon. 209 Or. (где отсутствующий Марк Лукулл назван консулом); Broughton 1951, 109). Ср. Eutrop. VI. 7, где начало наместничества Марка Лукулла в Македонии датируется тем же годом, что и начало войны со Спартаксом (Maugentrecher 1891, 70–71).

¹⁰⁴ Так, считалось, что консул 75 г. Котта отменил установленный Суллой запрет на занятие трибуническими другими должностями из страха перед беспорядками (Sall. Hist. III. 48. 8; ср. II. 45–49), хотя он все же навлек на себя за это вражду нобилитета (Ascon. 67, 78 C). Однако народные волнения, подогреваемые трибунами, продолжались, так что в 70 г. даже Катул вынужден был признать, что полное восстановление прав трибунов неизбежно, так как народ требует этого крайне настоятельно (Cic. Verr. I. 44).

¹⁰⁵ ILS. 8888; Münzer 1939, 673–674, 677–680.

¹⁰⁶ Cic. Verr. II. 1. 155–156; Ps.-Ascon. P. 200 Or.; ср. Santangelo 2014, 8.

Все эти рассуждения вполне применимы и для той ситуации, в которой оказался Красс в 73 г., и, пожалуй, имеют даже большую силу. С одной стороны, Красс готовился не к соисканию консульской должности, в ходе которого ему противостояли бы отдельные соперники и в котором он имел бы хорошие шансы на успех, учитывая его знатность, богатство и влияние, но к проведению реформы, уже давно вызывавшей ожесточенные споры в римском обществе и представлявшей немалую опасность для ее инициаторов: Сициний, трибун 76 г., исчез с политического горизонта и, возможно, расстался с жизнью¹⁰⁷, Опимий, трибун 75 г., потерял состояние (см. выше), Гай Котта, консул 75 г. навлек на себя вражду сулланцев, когда против воли знати отменил ограничения, наложенные Суллой на дальнейшую карьеру трибунов (см. прим. 104). С другой стороны, в суде Крассу предстояло стать не обвинителем, как Сульпицию, а обвиняемым: осознавая угрозу, он должен был бросить все силы на подготовку собственной защиты, отложив проведение реформы по восстановлению прав трибунов до лучших времен.

Можно отметить, что обвинение в суде понтификов было единственно возможным способом судебного противодействия Крассу: как претор, он имел иммунитет в постоянных судах по уголовным делам, основанных Суллой¹⁰⁸, как и, по-видимому, в суде народного собрания¹⁰⁹. С другой стороны, этот способ был и наиболее действенным. Во-первых, в случае осуждения Крассу грозило бы не изгнание, а смертная казнь, – следовательно, тем больше оснований у него было полностью посвятить себя защите от обвинений, оставив другие дела. Во-вторых, его судьями должны были выступать члены коллегии понтификов, где на тот момент доминировали влиятельные сторонники Суллы¹¹⁰, которые вряд ли могли приветствовать проект восстановления прав трибунов. Если бы Красс открыто заявил о своей приверженности этому курсу, его шансы на оправдание должны были снизиться; с другой стороны, в случае оправдания Красс приобрел бы перед судьями определенные моральные обязательства, и сразу после завершения суда ему нелегко было бы отстаивать законопроект, вызывающий у них возражения¹¹¹. В-третьих, как показал прецедент 114/113 г., оправдательный приговор понтификов не мог полностью очистить весталку и ее предполагаемого соблазнителя в глазах общества¹¹²; поэтому можно было ожидать, что даже популярный законопроект будет встречен народом прохладно, если его выдвинет человек, подозреваемый в нарушении мира с богами, и это еще сильнее затруднит его принятие. Наконец, в-четвертых, в случае принятия этого законопроекта над Крассом и Лицинией нависала новая

¹⁰⁷ *Sall. Hist.* III. 48. 8, 10; Любимова 2013а, 150.

¹⁰⁸ Weinrib 1968, 35–37.

¹⁰⁹ Возможно, Сулла вообще лишил плебейских трибунов права выдвигать обвинения перед народом (*Cic. Verr.* I. 38; Mommsen 1887, 326; Weinrib 1968, 43), но даже если такого ограничения не было, как считает М. Александер (1990, 77–78), то в эпоху Республики не известно ни одного случая привлечения действующего магистрата с империем к суду народного собрания (Weinrib 1968, 39–43).

¹¹⁰ Taylor 1942, 400–403.

¹¹¹ О благодарности (или вражде), возникающей вследствие судебного решения, см., например: *Cic. Att.* I. 4. 4; V. 21. 13; VI. 1. 6–7; *Fam.* XIII. 54; 55. 2; *Q. Fr.* I. 2. 11–12; *Plut. Mar.* 38. О процедуре голосования в коллегии понтификов точных сведений нет, но оно, вероятно, происходило так же, как и в коллегии авгуров, т.е., открыто (*Cic. Sen.* 64; Johnson 2007, 161).

¹¹² Как было показано выше, подозрения против Фабии и Лицинии также сохранялись достаточно долго после 73 года.

опасность: теперь любой из трибунов, подобно Педуцею в 113 г., мог вернуться к их делу и внести закон об учреждении государственного суда над оправданными весталками и их любовниками.

Таким образом, после того как Красс был привлечен к суду по обвинению в соблазнении весталки, его шансы на успешное восстановление прав трибунов становились крайне малы. Даже после оправдания выдвигать этот законопроект с его стороны было бы очень рискованно. Нет сведений о какой-либо агитации в пользу отмены сулланских ограничений в 72–71 гг., которую можно было бы связать с Крассом¹¹³, следовательно, можно сделать вывод, что он временно отказался от этой идеи. Представляется довольно убедительным предположение Т. Каду о том, что желание Красса взять на себя командование римской армией в войне со Спартаксом (при отсутствии иных желающих) может быть обусловлено событиями 73 г.: если многократные поражения от рабов могли восприниматься в римском обществе как свидетельство того, что мир с богами нарушен, то окончательная победа Красса над восставшими должна была еще раз подтвердить его невиновность¹¹⁴. Избавив Италию от разорительной войны, Красс уже мог рассчитывать на избрание консулом и проведение задуманных реформ, не опасаясь возобновления прежних обвинений. Его готовность сотрудничать в этом предприятии с Помпеем вполне может объясняться неосведомленностью о роли последнего в процессе весталок: публичные контакты Помпея с Плотиями (Плавтиями) начинаются в год его совместного с Крассом консульства, а в 73–71 годах он находился в Испании и ничем не выдавал своего интереса к деятельности Красса и суду понтификов. Поэтому в 71 г. Красс вполне мог рассматривать его не как соперника, а как союзника в непростом деле восстановления прав трибунов, однако вскоре после избрания на консульскую должность должен был осознать ошибочность своих расчетов¹¹⁵.

Остается рассмотреть, вписываются ли в данную гипотезу действия остальных участников этого процесса. Прежде всего возникает вопрос, кто и с какой целью возбудил обвинение против Катилины. М. Равицца предполагает, что он попал под суд как друг Красса и соучастник его любовных похождений: обвинение, направленное против Красса, неизбежно должно было затронуть и Катилину¹¹⁶. Однако у нас нет сведений о дружбе Красса и Катилины до 73 года, и нет оснований рассматривать их любовные похождения как совместные. Представляется, что в предложенном М. Равиццей объяснении следует несколько сместить акценты. Выше уже говорилось о том, что обвинение против весталок и их предполагаемых любовников выглядело достаточно убедительным, а дурная репутация Катилины могла послужить дополнительным доводом в пользу его виновности. Привлечение к суду не одной, а сразу двух весталок должно было повысить общественное внимание к этому процессу. Как показали события 114/113 гг., аргументы в пользу виновности одной из обвиняемых подкрепляли убеждение в виновности второй и наоборот, а осуждение одной из весталок порождало сомнения в справедливости оправдательного приговора, вынесенного второй¹¹⁷. Таким образом, если против Катилины и Фабии имелись достаточно весомые улики, то выдвинутое против

¹¹³ В 72 г. подобные лозунги, по-видимому, вообще не выдвигались, в 71 г. их озвучивал только трибун Лоллий Паликан, связанный с Помпеем (Marshall, Beness 1987, 374–377).

¹¹⁴ Cadoux 2005, 179.

¹¹⁵ Любимова 2013в, 150–157.

¹¹⁶ Ravizza 2006, 9.

¹¹⁷ Можно отметить, что в процессе 216 г. тоже были обвинены и осуждены сразу две весталки – Опимия и Флорония (*Liv.* XXII. 57. 2–7).

них обвинение усиливало опасность, которой подвергались Красс и Лициния, что вполне отвечало целям обвинителя. В этом случае Клодий, добивавшийся осуждения Фабии, как и Плотий, должен был действовать в интересах Помпея.

Вопрос о политических связях Клодия на раннем этапе его карьеры вызвал в историографии немалые споры, и некоторые исследователи высказывали предположение о том, что в этот период времени он действительно мог быть связан с Помпеем¹¹⁸. Прежде всего их внимание привлекают события 67 года, когда Клодий, служивший в армии Луция Лукулла, подстрекал его солдат к мятежу и, в частности, сопоставлял тяготы, которые они переносят, со счастливой жизнью испанских ветеранов Помпея, получивших землю, и призывал их поберечь силы до прибытия полководца, который будет заботиться об обогащении солдат (Plut. Luc. 34). В итоге солдаты отказались повиноваться Лукуллу, что послужило одной из важных причин его неудач и передачи его командования Помпею в 66 г. Однако другие исследователи указывают на то, что в 67 г. Помпея интересовало скорее командование против пиратов, чем против Митридата, поэтому вряд ли Клодий на Востоке действовал в его интересах, тем более что после ссоры с Лукуллом он направился не к Помпею, а к своему зятю Марцию Рексу, наместнику Киликии, который сделал его префектом флота¹¹⁹.

Представляется, что окончательно решить данную проблему в рамках настоящей статьи невозможно, однако можно привести еще некоторые соображения в пользу «помпеянского» характера деятельности Клодия на Востоке. Во-первых, в излагаемой Плутархом речи Клодий существенно преувеличивает благосостояние испанских ветеранов Помпея: если Плотиев закон о наделении их землей и был реализован, то лишь частично; к тому же Клодий упоминает лишь Помпея, хотя на ветеранов Метелла Пия этот закон тоже распространялся (Cass. Dio XXXVIII. 5. 1–2; ср. прим. 88). Во-вторых, солдаты фимбрианских легионов, к которым обращался Клодий, представляли собой наиболее мятежный элемент в армии Лукулла (Plut. Luc. 34. 2–3; Cass. Dio XXXVI. 14. 3–4), однако под командование Помпея они поступили добровольно, уже после увольнения со службы¹²⁰, и тот держал их в полном повиновении (Cass. Dio XXXVI. 16. 3: οὐδ' ὀλωσθῶν στασιάζοντα ἔσχε; 46. 1), – следовательно, они были настроены не только против Лукулла, но и в пользу Помпея. В-третьих, сообщается, что пираты, захватившие Клодия в 67 г., отпустили его из страха перед Помпеем; возможно, тот проявил какой-то особый интерес к судьбе пленного, ибо о других подобных освобождениях в это время сведений нет¹²¹. В-четвертых, известно, что до своего трибуната в 58 г. Клодий какое-то время служил под командованием Помпея (Cass. Dio XXXVIII. 15. 6); скорее всего, эти сведения относятся к войне против пиратов¹²² или к началу кампании Помпея против Митридата¹²³, хотя высказывалось и предположение, что Клодий отправился к Помпею в Испанию сразу после суда над весталками¹²⁴. Наконец, в 56 г., говоря о событиях 61–60 годов, Цицерон утверждает, что Помпей, свойственник¹²⁵

¹¹⁸ Smith 1957, 84; Stevens 1963, 422–423; Ward 1968, 806–809; Hayne 1974, 282. Not. 20.

¹¹⁹ Twyman 1972, 870–872; Hillard 1982, 39. Not. 36; Moreau 1982, 180–181; Williams 1984, 230; Tatum 1991, 569–579.

¹²⁰ Cic. Leg. Man. 26; Cass. Dio XXXVI. 15. 3; Plut. Luc. 35. 3–4. Ср. Brunt 1971, 455.

¹²¹ Cass. Dio XXXVI. 17. 3; Stevens 1963, 423. Not. 1.

¹²² Tatum 1999, 265. Not. 99.

¹²³ Lacour-Gayet 1889, 5.

¹²⁴ Hillard 1982, 40. Not. 37 (в нем излагается мнение Т. Уайзмана).

¹²⁵ Вероятно, примерно в это время был заключен брак или помолвка старшего сына

и товарищ (*adfinis et sodalis*) Клодия, тем не менее не произнес хвалебной речи, когда тот находился под судом (по делу Доброй Богини), и выступил в 60 г. против его перевода в плебеи (*Cic. Nat. Resp.* 45). Поскольку суд над Клодием состоялся вскоре после возвращения Помпея с Востока, логично предположить, что дружба, о которой говорит Цицерон, имела место в более ранний период времени. Конечно, рассматривать Клодия как инструмент или марионетку Помпея (или кого-либо еще из влиятельных политиков того времени) вряд ли оправданно; тем не менее сведения источников не только не исключают, но даже косвенно подтверждают возможность контактов или сотрудничества между ними в конце 70 – начале 60-х годов.

Своим выступлением с обвинениями против жрецов и жриц Клодий поставил под сомнение право коллегии понтификов по своему усмотрению решать судьбу весталок, заподозренных в нарушении обета целомудрия. Это шло вразрез с многовековой традицией, в соответствии с которой подобные дела находились в исключительном ведении понтификов¹²⁶. Впрочем, в 113 г. был создан иной прецедент, когда весталок повторно судил государственный суд, учрежденный Педуцевым законом. Рассмотрев этот закон в общеполитическом контексте, Э. Роусон показала, что он представлял собой проявление общей тенденции этих лет – стремления популяров ограничить контроль сенатской олигархии над государственной религией; однако Сулла в свою диктатуру твердо восстановил этот контроль¹²⁷. Выступление Катона против попытки очередного демагога вторгнуться в сферу государственной религии и оказать давление на коллегию понтификов вполне вписывается в избранный им образ защитника нравов и обычаев предков. Личности обвиняемых в данном случае могли иметь для него второстепенное значение, и показательно, что когда Цицерон поблагодарил Катона за помощь его родственнице Фабии, тот ответил: «признательность следует питать к государству, ибо лишь ради государства трудится и занимается политической деятельностью Катон»¹²⁸ (*Plut. Cat. Min.* 19. 3; пер. С.П. Маркиша с изменениями). По-видимому, это стало одним из первых публичных выступлений Катона. Плутарху, впрочем, известно лишь об одной речи Катона в этот период, направленной против попытки плебейских трибунов переместить колонну Порциевой базилики, которая загоразивала их кресла; в данном случае почтение к старине Катон тоже поставил выше, чем соображения практической пользы (*Cat. Min.* 5. 1–2). Но Т. Каду справедливо указывает, что в обоих жизнеописаниях – Красса и Катона – Плутарх упоминает суд над весталками вне хронологии повествования, лишь как иллюстрацию собственной мысли, и не рассматривает этот эпизод ради него самого¹²⁹.

Что касается позиции Катугла, который, вероятно, руководил коллегией в отсутствие верховного понтифика Метелла Пия, то вкратце о ней уже говорилось выше. В конце 87 г., во время господства Мария и Цинны, отец Катугла был обвинен плебейским трибуном Марием Гратидианом и, не сомневаясь, что будет осужден, вынужден был покончить с собой¹³⁰. После победы Суллы в гражданской войне

Помпея с племянницей Клодия, дочерью Аппия Клавдия, консула 54 г. (ср. *Cic. Fam.* III. 4. 2).

¹²⁶ Сморчков, Кофанов 2001, 293. Прим. 26.

¹²⁷ Rawson 1974, 206–208; см. также Cornell 1981, 36–37; Wildfang 2006, 94–95.

¹²⁸ τῇ πόλει δεῖν ἔχειν ἔφη χάριν αὐτόν, ὡς ἐκείνης ἕνεκα πάντα ποιῶν καὶ πολιτεύομενος.

¹²⁹ Cadoux 2005, 175.

¹³⁰ *App. BC.* I. 74; *Schol. Bern. ad Lucan.* II 173; подробнее об этом эпизоде см. Короленков 2009, 222–223.

Катилина казнил Гратидиана на могиле старшего Катугла и тем самым заслужил благодарность его сына¹³¹. Поэтому Катугл желал оправдания Катилины и, насколько это было в его силах, содействовал ему. Примечательно, что в 63 г., покидая Рим, чтобы присоединиться к армии повстанцев, Катилина поручил Катуглу заботу о своей жене Аврелии Орестилле, сославшись в письме на замечательную верность, которую тот проявил по отношению к нему в минуту опасности (Sall. Cat. 35. 1. 6). Однако в деле Лицинии и Красса Катугл не имел причин проявлять подобную мягкость – особенно в том случае, если предполагал, что Красс стоит за призывами к восстановлению трибунской власти. Поэтому, когда Клодий высказал претензии к процедуре голосования судей, он, вероятно, легко согласился на ее изменение в неблагоприятную для обвиняемых сторону.

Что касается самих понтификов, то, по-видимому, они (как и их предшественники в 114 г.) не сочли представленные обвинителями доказательства достаточно бесспорными и исчерпывающими для того, чтобы приговорить к мучительной смерти четырех человек из знатных и влиятельных семей. Выше уже говорилось о том, что к I веку казнь в результате судебного приговора стала большой редкостью; как правило, ее заменяло изгнание. Смертный приговор, который Луций Кассий вынес в 113 г. весталкам Лицинии и Марции, многими в римском обществе воспринимался как чрезмерно суровый (Ascon. 45–46 C). Коллегия понтификов принимала решение по делам весталок общим голосованием¹³², и большинство решило оправдать жрицу и их предполагаемых любовников, хотя, возможно, некоторые судьи и проголосовали за их осуждение. Данный исход, вероятно, в целом устраивал Помпея как инициатора процесса, так как его задача состояла не в том, чтобы уничтожить Красса, а вместе с ним Лицинию, Фабию и Катилину, а лишь в том, чтобы Красс хотя бы на время прекратил активную политическую деятельность, чего вполне удалось достичь. О деятельности Красса на посту претора у нас нет никаких сведений, в 72 г. никто в Риме не выдвигал требования о восстановлении прав трибунов, и лишь в 71 г., после победы над Спартаксом, Крассу удалось восстановить утраченные позиции и получить консульскую должность, чтобы вновь вернуться к этому важному политическому вопросу.

Необходимо отметить, что изложенная выше реконструкция хода процесса весталок 73 г. и его политического смысла во многом является предположительной, и при существующем состоянии источников ни она, ни какая-либо иная гипотеза не может быть совершенно надежно доказана. Тем не менее представляется, что данная реконструкция позволяет сложить в единое целое разрозненные и отрывочные свидетельства античных авторов как о самом суде, так и о политической деятельности Красса в 70-х гг. и дать этим сведениям наиболее полное и непротиворечивое объяснение.

¹³¹ Sen. De Ira III. 18. 1–2; Schol. Bern. ad Lucan. II 173; подробнее см. Marshall, 1985b, 125–127. В Бернской схолии к Лукану приводятся две версии: согласно одной из них Гратидиана убил Катилина, согласно другой – сам Катугл-младший; второй версии придерживается Б. Маршалл (1985b, 132–133). Однако это сообщение является изолированным, и слишком многие источники приписывают это убийство Катилине (полный их перечень см. Marshall 1985b, 124–125); вероятно, участие Катугла-младшего заключалось в том, что он ходатайствовал перед Суллой о мести за отца, как сообщается в той же Бернской схолии (loc. cit.: Catul minor eius filius a Sulla petit ut mortem patris de Mari vindicaret interitu), а тот отдал приказ о казни Катилине (loc. cit.: Catilinam iussu Sullae hunc Marium Gratidianum... occidisse).

¹³² Johnson 2007, 223–227.

Литература

1. *Боровков П.С.* 2009: Коллегия понтификов в политико-правовой структуре римской civitas (от Царского периода до конца Классической республики). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.
2. *Бугаева Н.В.* 2010: Судебный процесс 73 г. до н.э. в «Истории против язычников» Орозия // Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных докладов XVI Сергеевских чтений. М., 205–212.
3. *Короленков А.В.* 2009: Марий и Катул: история взаимоотношений homo novus и vir nobilissimus // «Античный мир и археология». Вып. 13. Саратов, 214–224.
4. *Любимова О.В.* 2013а: Марк Лициний Красс и плебейские трибуны 70-х годов I в. до н.э. // ВДИ. 2, 148–157.
5. *Любимова О.В.* 2013б: Письмо Красса о вызове Помпея и М. Лукулла против Спартака: время и обстоятельства написания // Вестник Гуманитарного университета. 2 (2), 73–84.
6. *Любимова О.В.* 2013в: Конфликт Красса и Помпея в 70 г. до н. э.: его зарождение и причины // Studia Historica. 13. М., 137–157.
7. *Любимова О.В.* 2014: Процесс весталок в 73 г. до н.э.: суд присяжных или суд понтификов? // Antiquitas Aeterna. 4. Нижний Новгород, 211–234.
8. *Смирнова О.П.* 1997: Культ Весты в Древнем Риме (VIII в. до н. э. – IV в. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. М.
9. *Сморчков А.М., Кофанов Л.Л.* 2001: Коллегия весталок // Жреческие коллегии в раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права / Л.Л. Кофанов (отв. ред.). М., 287–298.
10. *Смышляев А.Л.* 2008: «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // Ius antiquum. Древнее право. 2 (22), 76–95.
11. *Циркин Ю.Б.* 2005: Квинт Кассий и гражданская война в Испании // ВДИ. 3, 222–235.
12. *Alexander M.C.* 1990: Trials in the Late Roman Republic, 149 BC to 50 BC. Toronto–Buffalo–London.
13. *Astin A.* 1957: The Lex Annalis before Sulla // Latomus. 16, 588–613.
14. *Bauman R.A.* 1992: Women and Politics in Ancient Rome. L.–N.Y.
15. *Bauman R.A.* 1996: Crime and Punishment in Ancient Rome. L.–N.Y.
16. *Bauman R.A.* 2000: Human Rights in Ancient Rome. L.–N.Y.
17. *Brennan T.C.* 2000: The Praetorship in the Roman Republic. Oxf.
18. *Broughton T.R.S.* 1951: The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y.
19. *Broughton T.R.S.* 1986: The Magistrates of the Roman Republic. Vol. III. Supplement. Atlanta.
20. *Brunt P.A.* 1971: Italian Manpower 225 B.C. – A.D. 14. Oxf.
21. *Cadoux T.J.* 2005: Catiline and the Vestal Virgins // Historia. 54, 162–179.
22. *Cornell T.* 1981: Some observations on the «crimen incesti» // Le délit religieux dans la cité antique. Actes de la table ronde de Rome (6–7 avril 1978). Rome. 27–37.
23. *Drumann W.* 1964: Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen / Bd 3. 2 Aufl. P. Groebe (Hrsg.). Hildesheim.
24. *Epstein D.F.* 1986: Cicero's Testimony at the Bona Dea Trial // CPh. 81, 229–235.
25. *Evans R.* 2014: Pompey's Consulships: The End of Electoral Competition in the Late Roman Republic // URL: <https://www.academia.edu/6252270> (Электронный ресурс) (дата обращения: 24.08.2014).
26. *Fontanella F.* 2004: II Verr. V, 152: Un possibile contributo alla datazione della Lex Plautia de redivo Lepidanorum // Athenaeum. 92. 2, 519–521.
27. *Gelzer M.* 1926: Licinius (68) // RE. Hlbd 25, 295–331.
28. *Gelzer M.* 1943: Das erste Konsulat des Pompeius und die Übertragung der großen Imperien. B.
29. *Gelzer M.* 1969: The Roman Nobility. Oxf.
30. *Garzetti A.M.* 1996: Scritti di storia repubblicana e augustea. Roma.
31. *Griffin M.* 1973: The Tribune C. Cornelius // JRS. 63, 196–213.
32. *Gruen E.* 1971: Some criminal trials of the Late Republic: political and prosopographical problems // Athenaeum. 49, 54–69.
33. *Gruen E.* 1974: The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley–Los Angeles–London.
34. *Hagen E.* 1854: Untersuchungen über römische Geschichte. Teil I. Catilina. Königsberg.
35. *Hayne L.* 1974: The Politics of M'. Glabrio, Cos. 67 // CPh. 69. 4, 280–282.
36. *Hillard T.W.* 1973: The Sisters of Clodius Again // Latomus. 32, 505–514.
37. *Hillard T.W.* 1982: P. Clodius Pulcher 62–58 B.C.: «Pompeii Adfinis et Sodalis» // PBR. 50, 34–44.
38. *Hinard F.* 1985: Les proscriptions le la Rome républicaine. Rome.

39. *Johnson M.J.* 2007: The Pontifical Law of the Roman Republic. Ph.D. Diss. New Brunswick–New Jersey.
40. *Katz B.R.* 1983: Sertorius' Overlooked Correspondent? // *RhM.* 126, 359–362.
41. *Keaveney A.* 1984: Who were the Sullani? // *Klio.* 66, 114–150.
42. *Keaveney A.* 1992: *Lucullus. A Life.* L.; N.Y.
43. *Keaveney A.* 2005: *Sulla. The Last Republican.* L.–N.Y.
44. *Kelly D.H.* 1970: Evidence for Legislation by Tribunes, 81–70 BC // *Auckland Classical Essays presented to E. M. Blaiklock / B.F. Harris (ed.).* Auckland, 133–142.
45. *Kelly G.P.* 2006: *A History of Exile in the Roman Republic.* Cambridge.
46. *Koch C.* 1958: *Vesta* // *RE.* 2 Reihe. Hlbd 16, 1747–1752.
47. *Lacour-Gayet G.* 1889: P. Clodius Pulcher // *Revue Historique.* 41, 1–37.
48. *Lewis R.G.* 2001: *Catilina and the Vestal* // *CQ.* 51, 141–149.
49. *Lovisi C.* 1998: *Vestale, incestus et jurisdiction pontificale sous la République romaine* // *MEFRA.* 110. 2, 699–735.
50. *Marshall B.* 1972: The «*Lex Plotia Agraria*» // *Antichthon.* 6, 43–52.
51. *Marshall B.* 1973: Crassus and the Command against Spartacus // *Athenaeum.* 51, 109–121.
52. *Marshall B.* 1976: *Crassus: A Political Biography.* Amsterdam.
53. *Marshall B.* 1985a: *A Historical Commentary on Asconius.* Columbia.
54. *Marshall B.* 1985b: *Catilina and the Execution of M. Marius Gratidianus* // *CQ.* N.S. 35, 124–133.
55. *Marshall B., Beness J.L.* 1987: *Tribunical Agitation and Aristocratic Reaction 80–71 B.C.* // *Athenaeum.* 65, 361–378.
56. *Maurenbrecher B.C.* 1891: *Sallusti Crispi Historiarum Reliquae.* Fasc. I. Lipsiae.
57. *Mommsen Th.* 1887: *Römisches Staatsrecht.* 3. Aufl. Bd II. 1 Abt. Lpz.
58. *Moreau Ph.* 1982: *Clodiana religio: un procès politique en 61 avant J.C. P.*
59. *Münzer F.* 1920: *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien.* Stuttgart.
60. *Münzer F.* 1939: *Opimius (6, 11)* // *RE.* Hlbd 35, 673–674, 677–680.
61. *Münzer F.* 1951: *Plautius (8)* // *RE.* Hlbd 41, 7–9.
62. *Pina Polo F.* 1996: *Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten Römischen Republik.* Stuttgart.
63. *Rathke J.* 1904: *De Romanorum Bellis Servilibus.* B.
64. *Ravizza M.* 2006: *Catilina, Crasso e le vestali* // *Rivista di Diritto Romano.* 6, 1–10.
65. *Rawson E.* 1974: *Religion and Politics in the Late Second Century B. C. at Rome* // *Phoenix.* 28, 193–212.
66. *Rossi R.F.* 1965: *Sulla lotta politica in Romo dopo la morte di Silla* // *Parola del Passato.* 21, 133–152.
67. *Rubinsohn Z.* 1970: *A Note on Plutarch, Crassus X, I* // *Historia.* 19, 624–627.
68. *Santangelo F.* 2014: *Roman Politics in the 70s B.C.: a Story of Realignment?* // *JRS.* 104, 1–27.
69. *Seager R.* 1992: *The Rise of Pompey* // *CAH.* Vol. IX. *The Last Age of the Roman Republic.* 146–43 B.C. / J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (ed.). *Cambr.* 208–228.
70. *Seager R.* 2002: *Pompey the Great. A Political Biography.* Oxf.
71. *Shatzman I.* 1968: *Four notes on Roman magistrates* // *Athenaeum.* 46, 345–354.
72. *Smith R.E.* 1957: *The Lex Plotia Agraria and Pompey's Spanish veterans* // *CQ.* 7. 1/2, 82–85.
73. *Staples A.* 2004: *From Good Goddess to Vestal Virgins. Sex and category in Roman religion.* L.–N.Y.
74. *Stevens C.E.* 1963: *The 'Plotting' of B.C. 66/65* // *Latomus.* 22, 397–435.
75. *Sumner G.V.* 1964: *Manius or Mamercus?* // *JRS.* 54, 41–48.
76. *Sumner G.V.* 1974: *The Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology.* Toronto.
77. *Tatum J.W.* 1991: *Lucullus and Clodius at Nisibis (Plutarch, Lucullus 33–34)* // *Athenaeum.* 79, 569–579.
78. *Tatum J.W.* 1999: *The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher.* Chapel Hill–London.
79. *Taylor L.R.* 1942: *Caesar's Colleagues in Pontifical College* // *AJPh.* 63, 385–412.
80. *Twyman B.* 1972: *The Metelli, Pompeius and Prosopography* // *ANRW.* Bd 1. Teil 1 / J. Vogt, H. Temporini (Hrsg.). B.–N.Y., 839–862.
81. *Valverde L.A.* 2001: *La inscripción de Cupra Maritima, la colonia de Valentia y la lex Plotia agraria* // *Saguntum.* 33, 65–74.
82. *Ward A.* 1968: *Cicero's Support of Pompey in the Trials of M. Fonteius and P. Oppius* // *Latomus.* 27. 4, 802–809.
83. *Ward A.* 1977: *Marcus Crassus and the Late Roman Republic.* Columbia–London.
84. *Weinrib E.J.* 1968: *The Prosecution of Roman Magistrates* // *Phoenix.* 22, 32–56.
85. *Wildfang R.L.* 2006: *Rome's Vestal Virgins. A study of Rome's Vestal priestesses in the late Republic and early Empire.* L.–N.Y.
86. *Williams R.S.* 1984: *The Appointment of Glabrio (cos. 67) to the Eastern Command* // *Phoenix.* 38. 3, 221–234.

THE TRIAL OF VESTALS: POLITICAL ASPECT

Olga V. Liubimova

The article deals with several procedural issues concerning the trial of the Vestals in 73 B.C. (the date of Crassus' praetorship and the possibility of prosecuting a praetor in the pontifical court; the problem of two acquittals of Catilina; the meaning of Clodius' speech). The political aspect of the trial is also analyzed. It is observed that there must have been some quite weighty evidence against the Vestals and that the verdict of conviction in the pontifical court would have led to the capital punishment of the accused, not to the exile as was the case in criminal courts of the Late Roman Republic. The author advances the hypothesis that the accusation of the Vestals and their alleged lovers was initiated by Pompey through his adherents Plotius and Clodius. Pompey had the reasons to expect that Crassus, praetor in 73, would try to restore the powers of tribunate, and he sought to prevent Crassus from doing that because he wanted to profit from passing this law himself. The indictment of Fabia and Catilina was aimed at drawing additional public attention to the trial of the Vestals and at increasing the danger for Crassus.

Keywords: trial of the Vestals, Pompey, Late Roman Republic, pontifical courts, Crassus.

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
lov800@yandex.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 3, с. 69–79

В.К. Хрусталёв

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ COMPERENDINATIO В УГОЛОВНЫХ СУДАХ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье предпринята попытка показать, что комперендинация (*comperendinatio*) в Римской республике использовалась (по крайней мере, в постсулланский период) не только в постоянной судебной комиссии по делам о вымогательствах (*de repetundis*), но и в аналогичной комиссии по делам об оскорблении величия (*de maiestate*). С этой целью анализируется, в первую очередь, судебный процесс по обвинению в *crimen minutae maiestatis* над народным трибуном 67 г. Гаем Корнелием, имевший место в 65 г.

Ключевые слова: Поздняя римская республика, уголовные суды, Цицерон, *crimen minutae maiestatis*.

Хрусталёв Вячеслав Константинович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.